
В. А. ГЛУХОВ

ГЕНЕЗИС ПРАВОСОЗНАНИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В ДРЕВНЕРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Конкретные социально-политические и экономические условия на том или ином этапе общественного развития непременно находят отражение в различных формах общественного сознания, господствующей идеологии, общественных науках и т. д.

История отечественного государства и права как наука историко-теоретическая, изучающая возникновение и развитие типов и форм государства и права народов России на протяжении их исторического времени существования, в той или иной степени зависит от названных условий. Так, господство большевистской (а затем коммунистической) идеологии нашло прямое отражение, во-первых, в структуре курса «История отечественного государства и права» как учебной дисциплины: количество отводимых часов на изучение истории с момента становления Древнерусского государства и права до октября 1917 г. практически приравнивалось к количеству часов, отводимых на изучение истории государства и права советского периода.

Во-вторых, это отразилось и на подлежащих изучению вопросах. Так, победа большевиков в первые годы советской власти предположила резко негативное отношение ко всем другим политическим партиям, блокам и направлениям послереволюционной России, а исходя из этого, может быть, и не совсем адекватную действительности оценку их роли и значения в историческом процессе. Отделение церкви от государства и массовая атеистическая пропаганда логически обусловили ущемление роли и значения православной церкви в становлении и развитии Древнерусского, а затем и Российского, государства.

Объективность изучения дисциплины требует включения в нее ряда актуальных вопросов, связанных с принятием Русью христи-

анства. Вместе с новой религией на языческую Русь приходят византийские законодательные акты, содержащие фундаментальные основы церковно-византийского права, основанные прежде всего на Своде законов Юстиниана. Вскоре за их распространением начинает внедряться институт церковных судов, имеющий довольно широкую компетенцию: за определенные противоправные деяния (в том числе и уголовные преступления) церковному суду подлежат практически все сословия Древнерусского государства. И если княжеская судебная практика строится на нормах Русской Правды, то митрополит и епископы руководствуются при производстве суда прежде всего Кормчими книгами (как результатом рецепции византийского, а точнее, древнеримского права) и церковными Уставами первых русско-христианских князей (как результатом самостоятельной церковно-законодательной деятельности).

Однако до настоящего времени в историко-правовой науке до конца не раскрыты место, роль и значение византийского канонического права в системе древнерусского права, механизм производства церковного суда, виды наказаний и процесс их реализации. В литературе не отражается возможное противоречие в понимании цели и видов наказания: если Русская Правда, по утвердившемуся мнению, эволюционно заменяет кровную месть (а по существу – наказание смертью и членовредительством) всевозможными видами денежных штрафов, то римское право за отдельные виды преступлений в качестве наказаний признает и первое, и второе. Неясен и сам процесс исполнения наказания, наложенного церковным судом. Остается без внимания и вопрос о наличии (или отсутствии) «священной инквизиции» в истории Русского государства, довольно широко распространенной в средневековой Западной Европе.

Сложившийся в советский период историко-правовой подход в исследовании зарождения и развития древнерусского права концентрирован в основном на становлении норм светского права. Находит свое дальнейшее развитие модель (довольно основательно разработанная еще в XIX в. Ф. М. Владимирским-Будановым [1995]), основывающаяся на трех последовательно формирующихся источниках права: обычае, судебной практике русских князей раннего периода и нормативном акте. Согласно обычаям реализовывалась княжеская судебная практика, которая в свою очередь

создавала определенный судебный прецедент, что в дальнейшем и нашло отражение в нормативном акте – Русской Правде. И логическим завершением этой цепи явилось утверждение древнерусского права как права «обычного» (то есть основанного на обычае). Рассмотренная модель является несколько односторонней, так как не учитывает одного существенного фактора, который приводит к утрате целого звена цепи: Русь изначальная – Русь языческая, и, по-видимому, языческие обычаи не могли в полной мере трансформироваться в нормы Русской Правды. Таким связующим звеном между княжеской судебной практикой и письменным нормативным актом (Русской Правдой) явились нормы византийского церковного права, «заимствованные» из Царьграда Киевской Русью после принятия христианства. Безусловно, речь не может идти о полном «заимствовании», как и о полном вытеснении, христианством язычества из Руси (по сей день в народе уживаются древнеязыческие и православные праздники – Рождество и Масленица, Пасха и Иван Купала и т. д.). И поэтому вполне удачно обозначение Владимирским-Будановым этого заимствования как рецепции византийского права. Русь рецептировала, то есть частично перенесла и адаптировала к своим языческим обычаям нормы византийского церковного права. При этом обычаи, противоречащие основным постулатам христианства, стали считаться противоправными и постепенно были устранены.

Историко-правовая наука вполне определенно обозначает византийские источники рецептирования – Номоканон, Эклогу, Прохирон и результат рецепции на Руси – Кормчую книгу. При этом наиболее распространенной стала точка зрения, согласно которой первым связующим звеном проведения в русскую жизнь юридических воззрений Византии явился Номоканон Иоанна Схоластика (сборник церковно-гражданских законов и постановлений императоров о церкви), к тексту которого русские переписчики стали постепенно добавлять и другие византийские нормативные акты, основанные на переработке сборника законов Юстиниана, составленного в первой половине VI в.: 1) Эклогу («избранные законы») императора-иконоборца Льва Исаврянина (встречается Льва Исаврийского, Исавра) и Константина Копронима, в которой в полной мере проявилось влияние христианства – правовые поло-

жения (особенно нормы брачно-семейного права) обосновывались библейскими текстами. Время издания Эклоги в разных источниках различно: 726 г.; 739–741 гг.; 2) Прохирон («Градский закон»; Ручная книга законов) императора Василия I (Македонянина) (870–878 гг.; 879 г.) был издан вместо отмененной (прежде всего по политическим соображениям) Эклоги. На Руси эти законодательные акты получили название Кормчей книги.

Однако изучение письменных источников прошлых веков позволяет несколько расширить данное видение. Так, митрополит Макарий (1995), в своем многотомном труде «История Русской церкви» рассматривая первоначальное церковное законоположение в России, обращает внимание на то, что на время принятия христианства Русью в Византии уже существовал полный свод церковного законоположения, который включал в себя в том числе и Номоканоны. При этом свод включал в себя как вышеназванный Номоканон, составленный в VI в. патриархом Иоанном Схоластиком (565–578 гг.), так и Номоканон, составленный в более позднее время (в 883 г.) другим Царьградским патриархом – Фотием. И не вызывает никакого сомнения, что Русь, рецептируя византийские церковно-нормативные акты, использовала Номоканон и VI в., и IX в. Структура обоих документов была идентична: они состояли из двух частей – канонов (κάνων) и узаконений (νόμος). Каноны представляли собой исторически сложившиеся культово-церковные правила и положения, а узаконения (или указы) являлись гражданско-правовыми актами по церковным делам, основанными прежде всего на Своде законов Юстиниана.

Не сомневаясь в полном заимствовании Русью первой части Номоканонов, Макарий задает вопрос: «...принял ли равноапостольный просветитель России (князь Владимир. – *В. Г.*) вместе с церковными правилами и гражданские постановления греческих государей на пользу Церкви, которые были заимствованы преимущественно из закона Юстинианова и составляли вторую часть Номоканонов Схоластикова и Фотиева?» Сам же он и отвечает следующим образом: «Мудрые советники, надобно полагать, объяснили князю, что греко-римские законы... было бы бесполезно принять во всей целостности для России, а что лучше на основании Номоканона сделать из них только извлечение и отчасти дополнить

это извлечение соответственно потребностям... народа русского» (Макарий 1995: 83). Таким образом, по мнению митрополита, и появился Церковный устав князя Владимира, утвердивший церковную юрисдикцию.

Однако известный русский историк конца XVIII – начала XIX в. Н. М. Карамзин отрицал сам факт существования этого устава, рассуждая следующим образом: «Сей устав есть подложный – и вот доказательство: там Владимир пишет, что патриарх Фотий дал ему *первого* митрополита Леона; а Фотий умер за 80 лет до сего великого князя» (Карамзин 2000: 158–159).

Точку зрения Н. М. Карамзина во второй половине XIX в. поддержал и дал собственное ее обоснование профессор Московской духовной академии Е. Е. Голубинский (1997: 399–405), который отрицал не только авторское происхождение Устава князя Владимира, но следующего за ним Устава князя Ярослава. При этом Е. Е. Голубинский выдвинул ряд, стоит отметить, не лишенных определенной логики аргументов, отрицающих подлинность происхождения этих уставов. По мнению Е. Е. Голубинского, Устав не мог быть написан князем Владимиром по ряду обстоятельств, из которых определенный познавательный интерес представляют следующие: 1) если бы Устав был подлинным, то с учетом его значения сохранился бы в более конкретном, приближенном к авторскому виде, а не в переделанных в более позднее время редакциях; 2) десятина была дана не одной только церкви Богородицы, как это обозначено в Уставе, а всем епархиям Киевской Руси; 3) все списки Устава предоставляют епископам право заведования больницами, гостиницами и странноприемницами, которых в то время на Руси еще не было. В отношении последнего аргумента историк начала XX в. А. Е. Пресняков писал следующее: «Упоминание о благотворительных учреждениях могло быть простым переносом греческой формулы и греческой практики, имевшей для духовенства на Руси значение привычной программы, плана действий» (Пресняков 1993: 490).

Рассматривая Устав князя Ярослава, Е. Е. Голубинский рассуждал следующим образом: «...если Владимир имел намерение написать устав, то с какой стати он не сделал этого сам, а поручил устно или письменно Ярославу, которого он вовсе не прочил в свои пре-

емники? И почему Ярослав исполнил бы волю отца не в начале правления, а только под самый конец его?» И на собственный вопрос ответил следующим образом: «...составители его не знали о существовании мнимого устава Владимира...»

Голубинский заключал: вероятно, следует думать, что уставы были сочинены в Новгороде, так как в Новгороде западные церковные порядки могли стать известными сначала от явившихся туда католических священников, переодетых заморскими купцами, что случилось не позднее второй половины XII в., а потом от немцев, во второй половине XII в. поселившихся в соседней с Новгородской областью Ливонии, причем в ближайшей к Новгородской епархии в 1219 г. была открыта католическая епархия.

По мнению другого, не менее видного, ученого XIX–XX вв. – В. О. Ключевского (2000), сама Русская Правда и явилась результатом рецепции (в сочетании с Законом Русским) и изначально имела действие только в сфере церковной юрисдикции. Необходимость же в появлении письменного нормативного акта и была обусловлена недостаточностью обычаев и судебной практики при ведении суда. «Итак, – заключал Ключевский, – Русская Правда есть памятник собственно древнерусской кодификации, а не древне-русского законодательства». В определенной степени близка В. О. Ключевскому и позиция С. Ф. Платонова (1917), который отмечал: «Так как Русь приняла веру из Византии, то все новое, что пришло вместе с верою, имело византийский характер и служило проводником византийского влияния на Русь». Но письменным нормативным актом, предназначенным для производства церковного суда, Платонов считал не Русскую Правду, а особый сборник «законов Номоканона, получившего на Руси в болгарском переводе название Кормчей книги», что, по-видимому, больше соответствует действительности.

Итак, попытаемся в этом разобраться. Князь Владимир Святославович, сын Святослава и внук Игоря Рюриковича, находится на Киевском престоле с 980 г. по 1015 г. В 988 г. Русь, а точнее, население города Киева, принимает православие. Таким образом, теоретически можно предположить, что и Устав должен был бы обозначить свое существование в X–XI вв. Но первые его списки относятся к XIII в. Более того, митрополит Макарий (1995: 84) выделил

три его редакции: краткую, среднюю и обширную, отмечая, что «краткой нам известны три списка: № 1 по летописи, составленной, как догадываются, в начале XIII в.; № 2 по Кормчей 1493 г.; № 3 по Кормчей XV или XVI в. Все эти три списка имеют между собой небольшое различие. Средней (редакции) известны четыре списка: № 1 по Кормчей, скопированной с Кормчей XIII в. (1286); № 2 по приписке, сделанной к той же Кормчей в XVI в.: оба сходны между собою, кроме некоторых выражений и того, что в последнем недостает нескольких начальных строк; № 3 по Кормчей XV или XVI в.; № 4 по Кормчей XVI или XVII в.: довольно различаясь от двух первых, сходны между собою почти до буквы. Наконец, обширной редакции известны семь списков: № 1 по Кормчей XIII в. (ок. 1280 г.); № 2 по Кормчей XVI в.; № 3 по летописи XV в.; № 4 по Сборнику XVI в.; № 5 по Кормчей XVI в.; № 6 и № 7 по Кормчим XVII в. Все эти списки различаются между собою большими разноречиями, кроме второго.

Известен, правда, еще один список, который составляет собою четвертую, обширнейшую редакцию устава Владимира, но так как этот список, по свидетельству его слога и содержания, несомненно, составлен вновь в XVII в. при патриархах и есть не более как произвольное, витиеватое и по местам уродливое распространение того, что содержится в списках обширной редакции, то, не останавливаясь на нем, мы ограничимся рассмотрением только трех первых редакций, из которых каждая, по крайней мере одним из списков своих, восходит к XIII столетию, и покажем их общий состав и содержание, потом их особенности и отличия, наконец, выразим свое мнение об их относительном достоинстве».

В. Цыпин в своей работе «Церковное право» (1996), рассматривая данный вопрос, приходит к выводу, что он был решен еще в 1926 г. С. В. Юшковым, который на основании анализа текстов Устава, изданных в 1915 г. В. Н. Бенешевичем, выдвинул свою точку зрения, получившую всеобщее научное признание: «В основе Устава... лежит грамота о выделении десятины церкви Богородицы в 995–996 гг., которая была переработана в первый Устав в начале XI в. (до 1011 г.) в связи с учреждением епископских кафедр, распространением на них церковной десятины и установлением церковной юрисдикции. Устав продолжал складываться и развиваться в XI–XII вв. вместе с укреплением и расширением церковной организации. В него были внесены перечни церковных судов и церков-

ных людей. Архетипический текст, лежащий в основе существующих редакций, сложился в середине или второй половине XII в.»

Прошедшие века не сохранили нам подлинных письменных текстов тех далеких времен, и каждая предложенная точка зрения – это всего лишь научное предположение, не дающее объективных знаний по данному вопросу. Были в прошлом и остаются в настоящем как сторонники (митрополит Макарий [Булгаков], В. А. Неволин, В. А. Рогов

и др.), так и противники (М. Н. Карамзин, Е. Е. Голубинский, Н. С. Суворов и др.) факта существования Церковного устава князя Владимира. Были также предприняты попытки найти какое-то компромиссное решение. Так, В. Цыпин в вышеназванной работе в качестве компромиссной точки зрения приводит цитату А. С. Павлова: «Письменные памятники древности могут быть подлинными в материальном отношении и неподлинными в формальном. То есть они могут содержать в себе юридические нормы, действительно принадлежащие тем законодательным авторитетам, которым приписывает их данный памятник, но самое письменное изложение этих норм может быть делом другой руки, современной и позднейшей. ...Памятник этот (Устав кн. Владимира), несомненно, составил из частных и, по всей вероятности, разновременных записей о подлинных распоряжениях св. Владимира по делам Церкви. Некоторые из этих записей, именно те, в которых исчисляются суды и люди церковные, надобно думать, сделаны были еще при самом Владимире или вскоре после него. Это доказывается их языком».

Но так или иначе, в Древнерусском государстве с принятием христианства наряду с княжеским (светским) судом начинает действовать и суд церковный, производимый митрополитом или епископами, чему мы находим подтверждение и у С. Ф. Платонова (Владимирский-Буданов 1995): «Митрополит и вообще духовенство управляли и судили подчиненных им людей...», и у Н. М. Карамзина (Там же): «Нет сомнения, что духовенство российское в первые времена христианства решало не только церковные, но и многие гражданские дела, которые относились к совести или нравственным правилам новой Веры». И документальным закреплением церковного суда в структуре древнерусского государственного

механизма, дошедшим до нас, явились Церковные уставы князей Владимира и Ярослава.

В своем Уставе князь Владимир устанавливает: «...возре[в] в греческий номакан[о]н и обрет[я] в нем, юже не подобает сих тяж и судов судити князю, ни боярам, ни судьям его», и повелевает: «...не ступают ни дети мои, ни внуции мои, ни род мой в люди церковныя во все суды. ... а кто вступит, ... суд с тем мне перед богом, а митрополиту проклинати его сбором».

Ранее приведенные редакции Устава князя Владимира, определяя деяния, подсудные церковному суду, поступательно их расширяют. Так, согласно Макарию, если в целом к преступлениям, подсудным церкви, были отнесены дела против веры и дела семейные, то конкретизация их в краткой, средней и обширной редакциях различна. В списках средней редакции к преступлениям против веры были отнесены: святотатство, ограбление мертвых тел, повреждение могил, повреждение стен церковных, введение или внесение животных в церковь, а к преступлениям в брачно-семейной сфере – обвинение в незаконном сожителстве, что отсутствовало в краткой редакции Устава. Обширная же редакция Устава еще больше расширяет круг деяний, считающихся преступными: первое направление дифференцирует волшебство, второе – расширяет составы преступлений в брачно-семейных отношениях. Преступным считается: нанесение побоев снохою свекрови; защита мужа женою во время драки его с другим человеком, сопровождающаяся причинением вреда последнему; покидание матерью незаконнорожденного новорожденного ребенка; противоестественные пороки.

В целом же можно предположить следующую структуру преступлений, относимых Уставом князя Владимира к компетенции церковного суда:

1) Преступления против христианской веры: еретичество, волшебство и колдовство («ветьство», «зелейничество», «потворь», «зубоежа», «чародеяние», «волхование»), равно как и обвинение («уреканье») в них.

2) Святотатство: церковная кража («татьба»); захоронение (по языческому обряду) на неосвященном месте («волочение мертве-

ца»); ограбление мертвых тел, повреждение могил, повреждение стен церковных, введение или внесение животных в церковь.

3) Преступления в брачно-семейной сфере: развод («ропуть»); кровосмешение, то есть вступление в брак в запрещенных степенях родства и свойства (установления отношений в результате крещения); оскорбление действием (в том числе и укушение) родителей детьми, драка между супругами из-за имущества; тяжбы о наследстве (о «заднице») между детьми или братьями умершего.

4) Преступления против нравственности: прелюбодеяние; сводничество («потвор»); похищение девицы или жены («умычка»), противоестественные пороки (скотоложество); обвинение в незаконном сожительстве.

5) Преступления против чести, жизни и здоровья: изнасилование («пошибание» – приводится согласно В. Цыпину; в иной интерпретации под «пошибанием» понимается драка); укушение и оскорбление словами; нанесение побоев снохою свекрови; защита мужа женою во время драки его с другим человеком, сопровождающаяся причинением вреда последнему; детоубийство; покидание матерью незаконнорожденного новорожденного ребенка.

При этом Устав князя Владимира установил и двойственную юрисдикцию церкви: 1) она судила всех христиан – как духовных лиц, так и мирян – за ряд злодеяний, прежде всего нравственного характера; 2) она судила церковных лиц за все совершенные ими преступления; при этом круг церковнозависимого населения в различных редакциях Устава неоднозначен. Так, если в краткой редакции Устава в качестве субъектов, полностью переданных в компетенцию церковного суда как «митрополичи церковные люди», определены: «игумен, игумениа, поповичеве, чернец, черница, дякон, дякановая, проскурница, пономарь, вдовица, калика, сторонник, задшний человек, прикладник, хромец, слепец, дяк и вси причетницы церковный...», то средняя редакция указывает на следующую группу лиц: «игумен, поп, дякон и кто во клиросе, чернец, черница (проскурница), попада, попович, лечец, прощеник, задушный человек»; общая редакция обозначает: «игумен, игуменья, поп, диакон, диаконица и дети их и кто в клиросе, попада, чернец, черница, проскурница, пономарь, лечец, прощеник, баба вдовица, задушный человек, прикладень, сторонник, слепец, хро-

мец». Но характерным для всех трех списков является то, что ни в одном из них не прослеживаются церковнозависимые крестьяне и ремесленники. Это, на наш взгляд, подтверждает появление этого документа именно в период правления князя Владимира, времени, когда церковь только образовывалась как социально-политический институт Киевской Руси. По-видимому, если бы Устав был написан в более позднее время (в XII в. и позже), время, когда церковь уже успела превратиться в довольно крупного землевладельца, имеющего значительное количество крестьян, проживающих на церковно-монастырских землях, ремесленников, проживающих в церковно-монастырских слободах посадов, то эти группы населения нашли бы обязательное отражение в тексте Устава.

Как писал В. О. Ключевский, грех ведает церковь, преступление – государство. Существовал также и совместный церковно-мирской суд, который судил за наиболее тяжкие преступления церковнозависимое население (Владимирский-Буданов 1995).

Но, по-видимому, он начинает функционировать в более поздний период, так как ни в одной из редакций Устава он не обозначен. Более того, в соответствии с Номоканоном князь Владимир подчеркивает невмешательство в эти дела светских аристократов: «...не подобает сих тяж и судов судити князю, ни боярам, ни судьям его...» (приводится по Списку краткой редакции).

Итак, Устав князя Владимира явился декларирующим документом, утвердившим церковный суд и установившим круг деяний и лиц, подсудных ему. Меры же наказания Устав не санкционировал, предоставив церкви право действовать самостоятельно, опираясь по существу на основанное на законах Юстиниана византийское право, выраженное прежде всего в Номоканомах, Эклоге и Прохироне и представленное на Руси в Кормчих книгах.

Дальнейшее развитие положения правовой направленности, обозначенные в Уставе князя Владимира, находят в Уставе князя Ярослава, обозначившем не только противоправные деяния, относящиеся к компетенции церковного суда, но и воздаяния за них. При этом Устав князя Ярослава в виде наказания предусматривает не только применяемые в светском судопроизводстве всевозможные штрафы и компенсации, но и такой вид наказания, как казнь, не нашедший отражения в Русской Правде. Ряд статей Устава гла-

сит: «князь казнит», «казнить по закону». Так, к примеру, за похищение, насилие или посрамление боярской дочери предусматривалась выплата обидчиком в ее пользу пяти гривен золота, равнозначная сумма выплачивалась в пользу епископа, но при этом указывалось князю казнить нарушителей порядка. С учетом социальной дифференциации за аналогичные деяния в отношении простолюдинов («добрых людей») сумма выплат была значительно ниже – 5 гривен серебра, но при этом также указывалось князю казнить их. По-видимому, даже на уровне обыденного сознания невозможно предположить, чтобы боярин Древнерусского государства, дружинник князя, воин смог бы удовлетвориться золотом от обидчика в виде компенсации за надругательство над его дочерью, сестрой или женой. Не вызывает сомнения, что древнерусское право табуировало кровную месть как пережиток славянского языческого обычая, но это вовсе не означает, что оно отказалось от справедливого возмездия за содеянное. По-видимому, с развитием государственного механизма и отходом от патриархально-родовых отношений произошли изменения и в реализации карательной политики. Наблюдалась своеобразная трансформация карательных прав в отношении обидчика от непосредственно пострадавшего или его родственников к государству в лице князя, при этом степень справедливости воздаяния определялась церковным судом.

Нормативной же базой для функционирования церковных судов по делам, переданным в их компетенцию, и явилось византийское каноническое право, основанное на законах Юстиниана. При этом византийское, а точнее – древнеримское, право уже много веков знало уголовное нарушение (*сгiмен*), требующее жестокого возмездия. И ряд преступлений, переданных Уставами древнерусских князей в компетенцию церковного суда, соответствовали характеристике *сгiмен* и предусматривали довольно жестокое возмездие, наказание. Так, преступления против христианской веры – посягательства на порядок, установленный для церкви, и на управление церковных служб, на неприкосновенность храмов (в том числе церковные кражи и святотатство), ересь, язычество, выход из христианства, магия и волхование, «зелейничество» (то есть приготовление ядов и «любовных» зелий) считались *сгiмен* и предусмат-

ривали довольно жесткое наказание. Причем последние из перечисленных приравнивались к намерению совершения убийства ввиду возможности наступления опасных последствий. Уголовным преступлением считались и нарушения норм брачно-семейного права: неравный брак, прелюбодеяние, двоеженство, похищение женщин, сводничество, педерастия и т. п. Признание правонарушения уголовно наказуемым ставило вопрос о наложении на виновного такого наказания (роена), как очищение общества от преступника и предоставление его во власть богов карающих. При этом наказание предусматривалось правом как воздаяние за конкретное злодеяние, то есть в условной мере соответствовало преступлению. Так, за особо опасные для общества или особо дерзкие преступления византийское право в виде наказания предусматривало смертную казнь (роена capitis), обычной формой которой были обезглавливание топором, а в военных условиях – мечом, и в дохристианскую эпоху – распятие на кресте. Специальными видами смертной казни были: утопление в мешке, сожжение, отдание на растерзание диким зверям (что сохранилось по сей день в русских народных сказках), сбрасывание со скалы и замуровывание в стене. Последний вид смертной казни применялся и в отношении монахинь за нарушения общественной или религиозной морали. Что касается штрафов, то они налагались за мелкие преступления (Омельченко 2000: 72–83).

Вышеприведенное по описанию сходности деяний, требующих наказания, подтверждает византийскую правовую рецепцию Древнерусским государством, из чего можно предположить и рецепцию воздаяния как наказания за них, что, по-видимому, и находит отражение в церковном Уставе князя Ярослава в виде указания «князю казнить». При этом наибольшую часть преступлений Устав облагает двойным наказанием – денежным штрафом в пользу епископа и казнью в собственном смысле со стороны князя, что, по мнению Е. Е. Голубинского, было недопустимо «...как нечто противное разуму человеческому и нечто немислимым образом выдававшееся из всех других законодательств...» (Голубинский 1997: 404). В отношении этого можно сказать, что двойственность наказания (как основного и дополнительного) имела довольно широкое применение в средневековой Западной Европе. Но, по-видимому, денежный

штраф в Древнерусском государстве в отличие от европейских государств имел свою специфику. Можно предположить, что он являлся не дополнительным наказанием к казни, а своеобразной оплатой судебного производства: «...источником для содержания нашего митрополита и епископов могли служить судные пошлины: не с судов только гражданских, с которых, как мы видели, отделяема была для Церкви одна лишь десятина, и притом из части собственно княжеской, но с судов церковных, предоставленных уставом исключительно ведомству иерархов» (Макарий 1995: 100). Как отмечал Е. Е. Голубинский (1997: 396–397), в Греции юридические понятия стояли на иной ступени развития, чем в Древнерусском государстве: византийский суд был делом государственным, и отношения судьи с подсудимым ограничивались судебным разбирательством и вынесением приговора. С подсудимых судья за производство процесса не получал никакого вознаграждения. Напротив, у нас, в России, судей содержали сами судящиеся – с каждого судебного дела в их пользу шла определенная пеня или пошлина. И если в Византии было безразлично для судей, кто вершил суд, а епископам было предоставлено широкое право вмешательства в дела государственного суда как своеобразным третейским судьям (к которым могли обратиться тяжущиеся в случае нежелания обращения в светский суд), то в Древнерусском государстве вопрос о том, кто должен вершить правосудие, являлся принципиальным. И это, на наш взгляд, объясняет значение двойственности наказания, проявленной в церковном Уставе князя Ярослава.

Итак, церковный Устав Ярослава за ряд преступлений в виде основного наказания предусматривает княжескую казнь, санкционирует ее. Но применялась она и во времена правления князя Владимира, что отражено в Лаврентьевской летописи, на которую в своих исследованиях ссылаются и А. Е. Пресняков (1995: 491), и митрополит Макарий (1995: 99): «Живяще же Володимерь в страсть божьи и умножишася разбоеве, и рѣша епископи Володимеру: “Се умножишася разбойници, почто не казниши ихъ?” Он же рече имъ: “Боюся грѣха”. Они же рѣша ему: “Ты поставлень если отъ бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоить ти казнити разбойника, но со испытомъ”. Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити

разбойники, и рѣша епископи и старци: “Рать многа; оже вира, то на оружьи и на конихъ буди”. И рече Володимерь: “Тако буди”. И живяше Волдимерь по устроенью отню и дѣдню». Макарий этот фрагмент разъясняет следующим образом: «Однажды, когда в России умножились разбои, епископы пришли к Владимиру и сказали ему: “Вот умножились разбойники, зачем ты не казнишь их?” Он отвечал: “Боюсь греха”. Епископы заметили: “Ты поставлен от Бога на казнь злым, а на милость добрым; тебе следует казнить разбойников только с испытанием”. И Владимир решил отменить древний народный обычай, по которому за разбой взимаема была только вира, или плата, и начал согласно греческим законам казнить злодеев смертию за смертоубийства. Вскоре, однако же, когда по причине умножившейся рати со врагами потребовались средства для покрытия издержек войны, епископы вместе со старейшинами снова пришли к князю и предложили ему восстановить виры, с тем чтобы они шли на оружие и коней. Владимир и теперь согласился, сказав: “Да будет так”, и стал жить по устроенью отца своего и деда».

Развитие права обусловило и формирование системы исполнения наказания. В традиционном понимании, основанном на Русской Правде как основном источнике обычного права восточных славян, исполнение наказания, выражающееся в денежном штрафе, производилось дружинниками князя – вирниками, получившими название от главного вида наказания – виры. Однако пополнение казны за счет обидчика и княжеская казнь за нарушения, предусмотренные византийским каноническим правом, рецептированным Русью, – процессы довольно разнорядковые. Если первое понимает наказание как вознаграждение потерпевшего, то второе – как акт богом данной князю власти «на казнь злым, а добрым на милование». И древние летописи должны были бы сохранить хоть какие-то сведения о лицах, производящих казнь именем князя. Однако, как отмечал А. Е. Пресняков (1993: 435), «источники нам говорят не о разъездах судей для суда, а только о разъезде княжьих вирников для сбора вир. ...Как виры собирает вирник, так продажи – емец». Ответ на вопрос может содержаться, на наш взгляд, в самой дворцово-вотчинной системе управления Древнерусским государством. Отсутствие специальных государственных орга-

нов предполагало исполнение государственных функций, в том числе и карательных, любым членом княжеской дружины как отдельного, может быть, и разового, поручения князя. При этом сама формулировка церковного Устава князя Ярослава – митрополит судит, князь казнит, – на наш взгляд, полностью исключает участие в этом процессе духовенства (как черного, так и белого) в отличие от священной средневековой западноевропейской инквизиции.

Таким образом, формирование правовых норм Древнерусского государства – процесс сложный и многосторонний. И раскрытие его сущностных сторон требует более глубокого объективного историко-философского анализа, основывающегося на использовании философского категориального аппарата: единичного (как специфики обычаев языческой Руси) и общего (как адаптированного к Руси канонического византийского, а по существу, римского права); системы, структуры и элемента при рассмотрении формирования древнерусской судебной системы и дифференциации ее на светскую и церковную; а также субъективного и объективного в вопросах отражения рецептированных норм канонического права в общественном сознании и их оценки исследователями истории права в различные исторические периоды времени. По-видимому, недостаточная изученность механизма реализации канонического права Древнерусского государства советскими исследователями в определенной степени была обусловлена и отделением церкви от государства, что привело к утрате интереса к ней как к политическому институту.

Литература

Владимирский-Буданов, М. Ф. 1995. *Обзор истории русского права*. Ростов н/Д.: Феникс.

Голубинский, Е. Е. 1997. *История русской церкви*: в 3 т. Т. 1. М.

Карамзин, Н. М. 2000. *История государства Российского*: в 3-х кн. Кн. 1. СПб.: Кристалл.

Ключевский, В. О. 2000. *Русская история: Полный курс лекций*: в 2-х кн. Кн. 1. Минск: Харвест.

Макарий (Булгаков), Митрополит Московский и Коломенский. 1995. *История Русской церкви*: в 12 т. Т. 2. М.

Омельченко, О. А. 2000. *Римское право: учебник для юрид. вузов.* М.: ТОН-Остожье.

Пресняков, А. Е. 1993. *Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь.* М.: Наука.

Платонов, С. Ф. 1917. *Полный курс лекций по русской истории.* Петроград: Сенатская типография.

Цыпин, В. 1996. *Церковное право. Ч. 1. Источники церковного права.* М.: Изд-во МФТИ.